

DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.005
УДК 94(470)“11/17” + 910(470:564.3) +
+ 2-57

С. В. Близнюк
*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*
Москва, Россия

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ XII–XVIII вв. О «СЛАДКОЙ ЗЕМЛЕ КИПР»

Эпоха крестовых походов была эпохой паломников и паломничеств в Иерусалим. Русский православный мир не принял идею крестовых походов и не считал западноевропейских крестоносцев паломниками. Однако русские люди также стремились совершить паломничества, цель которых они видели в личном покаянии и поклонении Господу. Посещение христианских святынь острова Кипр было желательным для паломников на пути к Иерусалиму. Опираясь на методику контент-анализа всего комплекса сочинений русских паломников XII–XVIII вв., а также сочинения кипрских, византийских, арабских и русских хронистов, автор работы исследует историю путешествий и паломничеств русских людей на Кипр с XII по XVIII вв., зарождение русско-кипрских церковных, культурных и политических связей, динамику их развития от первых контактов до установления постоянных отношений между двумя странами. Начиная с XVII в. история русско-кипрских отношений развивалась в трех областях: 1) русские на Кипре; 2) киприоты в России; 3) знание Кипра и интерес к Кипру в России. Киприоты появились в России (при дворе русских царей) в начале XVII в. Мы знаем о постоянной переписке и обмене посольствами между русскими царями и иерархами кипрской православной церкви, которые происходили в XVII–XVIII вв. Появление киприотов в России, получение информации, изучение кипрской литературы, а также перевод некоторых кипрских историй на русский язык способствовали взаимодействию на политическом и культурном уровнях. В работе подчеркивается большая культурно-историческая, социальная и политическая функции паломничеств эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: паломничества; крестовые походы; Кипр; Россия; Иерусалим; Византия; христианские святыни; православная церковь; турки; хождения; история; литература

Ц и т и р о в а н и е: *Близнюк С. В.* Русские паломники XII–XVIII вв. о «сладкой земле Кипр». DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.005 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 67–83.

Поступила в редакцию 30.10.2019

Принята к печати 26.12.2019

Svetlana V. Bliznyuk*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia***RUSSIAN PILGRIMS OF THE 12th–18th CENTURIES
ABOUT “THE SWEET LAND OF CYPRUS”**

The era of the Crusades was an era of pilgrims and pilgrimages to Jerusalem. The Russian Orthodox world did not accept the idea of the Crusades and did not consider the Western European crusaders to be pilgrims. However, Russian people also sought to make pilgrimages, whose purpose for them was personal repentance and worship of the Lord. Visiting the Christian relics of Cyprus was desirable for pilgrims on their way to Jerusalem. Based on the method of content analysis of the whole complex of works of Russian pilgrims, as well as the works of Cypriot, Byzantine, Arab, and Russian chroniclers, the author explores the history of travels and pilgrimages of Russian people to Cyprus between the 12th and 18th centuries, the origins of the Russian-Cypriot religious, intercultural, and political relations, as well as the dynamics of their development from the first contacts in the Middle Ages to the establishment of permanent diplomatic and political relations between the two countries in the Early Modern Age. Starting with the 17th century, the history of the Russian-Cypriot relations was developing in three fields: 1) Russians in Cyprus; 2) Cypriots in Russia; 3) knowledge of Cyprus and interest in Cyprus in Russia. The Cypriots appeared in Russia (at the court of the Russian tsars) in the early 17th century. It is known that there was constant correspondence and exchange of embassies between the Russian tsars and the hierarchs of the Orthodox Church of Cyprus that took place between the 17th and 18th centuries. The appearance of the Cypriots in Russia, the acquisition of information, the study of Cypriot literature, as well as translations of some Cypriot stories into Russian all promoted interaction on both political and cultural levels. This article emphasises the great historical, cultural, diplomatic, and political functions of the pilgrimages of the era of the Middle Ages and Modern History.

Key words: pilgrimages; crusades; Cyprus; Russia; Jerusalem; Byzantium; Christian relics; Orthodox church; Turks; itinerary; history; literature

For citation: Bliznyuk, S. V. (2020). Russkie palomniki XII–XVIII vv. o “sladkoi zemle Kipr” [Russian Pilgrims of the 12th–18th Centuries about “The Sweet Land of Cyprus”]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 1 (196), 67–83. doi: 10.15826/izv2.2020.22.1.005

*Submitted: 30.10.2019**Accepted: 26.12.2019*

Паломничество к святым местам было неотъемлемой частью жизни верующего человека в его стремлении к духовному совершенству, духовному подвигу во имя Господа и ради достижения спасения своей души в мире вечном. Пик паломничеств западных христиан на Восток к Гробу Господню приходится на эпоху крестовых походов. Сами экспедиции крестоносцев являлись для западноевропейского человека паломничествами, а их участники, соответственно,

воспринимали себя не иначе, как пилигримами. Однако русский человек, равно как и византийский, не принял идею крестовых походов, не понял ее и не поддержал. Крестоносцы не были для него паломниками, а их войны воспринимались именно как обычные войны. Мне не раз приходилось писать о причинах этого непонимания и отдаления православного мира от мира крестоносцев [Близнюк, 2014, с. 24–25; 2010, с. 80; 2017; Bliznyuk, 2006, р. 661–662]. Это не означает, что русские православные христиане отказывались от идеи совершения паломничества в колыбель христианства, в Иерусалим, к Гробу Господню на своем пути к Граду Небесному, что они точно так же не хотели достичь спасения, как и их европейские собратья, или что они не искали пути к спасению. Однако методы достижения цели между теми и другими сильно отличались. Русский паломник не идентифицировал себя с крестоносцами, не чувствовал своей сопричастности с происходящими событиями крестовых походов. Он не принадлежал к той социальной группе или к сообществу людей, объединенных идеей освобождения Гроба Господнего. Русич оправлялся в путь ради личного покаяния, ради поклонения Господу, а не ради получения награды от Господа за свои военные заслуги перед ним в виде прощения грехов и спасения.

Отправляясь в путешествие, каждый паломник, будь то западноевропейец или русский, слабо представлял себе, куда, собственно, он идет, какое расстояние ему предстоит преодолеть, какие средства понадобятся ему для путешествия, где именно находится тот самый Иерусалим. Если для европейца с началом крестовых походов мир Востока обретал все более четкие очертания, то для русича это был далекий и по большому счету неведомый край. Информация об экспедициях крестоносцев, об их государствах на Востоке доходила до Руси случайно, с большим опозданием, была очень краткой и далеко не всегда правдоподобной. В сказках и мифах, тем не менее, ярко проявляется стремление русского человека достичь Иерусалима и поклониться Гробу Господню. Весьма показательной является «Повесть о путешествии архиепископа Новгородского Иоанна на бесу в Иерусалим». Повесть была записана в Новгороде в середине XV в. В ней повествуется о том, как новгородский архиепископ середины XII в. Иоанн заставил беса за одну ночь перенести его в Иерусалим и обратно: «Святыи же рече (бесу. — С. Б.): “Се за дерзость твою повелеваю ти: сее ноци донеси мя из Великого Новаграда в Иеросалим град, и постави мя у церкви, иде же гроб господень и из Еросалима града сее же ноци в келии моеи...”» [Житие святого отца нашего Иоанна; Малето, с. 386]. В XVIII в. русский православный «пешеходец» Василий Григорович-Барский так же ярко и образно передал свои чувства: «Егда же азъ узрѣхъ стены града, возрадовахъся зѣло и забыхъ тѣлесной немощи, дадохъ же абіе слава Богу, яко сподоби мя по желанію моему достигнути тамо» [Странствия Василия Григоровича-Барского..., ч. I, с. 308]. Каждый паломник сверял свои представления о Святой земле с библейскими рассказами. Он искал то, что он почерпнул из Библии, агиографии и, возможно, редких рассказов своих предшественников, которым посчастливилось побывать в святых местах. Таким образом, русич шел за мечтой, за радостью, за благоговейным счастьем, которыми переполнялось его сердце при виде Иерусалима.

Путь русских паломников непременно проходил через Константинополь, столь же дорогой сердцу каждого русского человека как святой город, как город городов, как Царьград. Далее многие следовали морем через греческие острова: Лесбос, Хиос, Родос, Кипр. Наша задача — исследовать кипрско-русские контакты Средних веков и раннего Нового времени, заложившие основы для установления постоянных церковных, культурных и дипломатических отношений между Россией и Кипром уже в Новое и Новейшее время.

Что же знал русский человек эпохи Средних веков о Кипре? Что привлекало его в первую очередь? Что он хотел увидеть и что видел на острове? Наконец, какое место занимал Кипр в его представлениях о мире, в его системе ценностей, т. е. как он открывал и познавал мир Средиземноморья?

Первое упоминание о русском человеке, побывавшем на Кипре, относится к самому началу XII в., когда остров находился еще в руках Византии, а в Сирии только что появилось Латино-Иерусалимское королевство. Этим первым русским был игумен Даниил, вероятно, уроженец Чернигова, ставший впоследствии епископом Юрьевским. Это был вовсе не одинокий простой странник. Он прибыл в Константинополь, а затем отправился в Иерусалим в сопровождении большой дружины из киевлян и новгородцев: «*Вся дружина моя русскими сынове, и приключишася тогда и ноугородци и кияне...*» [Житье и хождение Даниила, с. 10; Сахаров, т. I, с. 25].

Среди русских «*хождений*» названный источник является наиболее полным и многогранным. С ним, так или иначе, современные историки сверяют и сравнивают рассказы других русских пилигримов. По стопам Даниила поклониться Гробу Господню отправится немало русских людей. Некоторые из них также составят свои путевые записки. Однако именно Даниил впервые написал о Кипре и познакомил с ним русских читателей, обратив внимание на историко-культурное и сакральное пространство острова. Именно он впервые рассказал русским людям о достопримечательностях острова. Предположительно, Даниил прибыл на остров в мае-июне 1106 г. и многое успел здесь повидать. Он написал о христианских святых и кресте св. Елены за несколько столетий до Леонтия Махеры. Его поразило, сколь велик, богат и густонаселен остров. Он исходил его из конца в конец; поклонился мощам св. Епифания, апостола Варнавы, св. Зенона, епископа Трифилия (Трифолия); поклонился св. Кресту, возведенному св. Еленой на горе Олимп (Ставровуни); поведал о его чудесах; точно описал церковную систему Кипра, отметив, что здесь одна митрополия и двадцать епископов; коротко сообщил о природе острова; с восторгом рассказал о сборе ладана [Житье и хождение Даниила, с. 10–11; Сахаров, т. I, с. 25]. Чтобы поклониться св. Варнаве и св. Епифанию, он должен был отправиться в Саламин [Cobham, p. 20; Machairas, § 30; Близнюк, 2018, с. 60, § 30¹]; прах

¹ Далее в тексте при цитировании хроники Леонтия Махеры мы будем указывать только номер параграфа [Machairas, § 30], так как в переводе хроники [Близнюк, 2018] нумерация полностью совпадает с изданием хроники.

св. Зенона, епископа Куриона [Machairas, § 30], он мог найти на юге острова, проследовав в район Лимассола. Св. Трифилий, согласно Махере, был епископом Никосии, а св. Филагрий — епископом Пафоса [Machairas, § 30]. Для того чтобы поклониться св. Кресту и реликвиям, оставленным на Кипре св. Еленой, нужно было отправиться в Ставровуни (Всилопотамос) и Тохни [Ibid., § 67, 68]. Следовательно, во все названные места лежал путь Даниила. Паломник отмечает некоторые детали, которые отсутствуют в кипрских хрониках, а именно, что Филагрий был крещен самим апостолом Павлом и что на Кипре хранился гвоздь Распятия Христова. У Махеры об этом нет ни слова. А это значит, что в конце XIV — XV в., когда Махера писал свою хронику, последней реликвии на острове уже не было. Вероятно, реликвия была вывезена с Кипра после франкского завоевания в 1191 г. сначала в Константинополь, а после Четвертого крестового похода попала на Запад, благодаря предприимчивости венецианцев и крестоносной активности французского короля Людовика IX Святого. Таким образом, русский паломник зафиксировал положение дел на начало XII в.

Даниил впервые представил русским людям Кипр не иначе как святой остров, где не только хранились христианские реликвии, но и свершались многочисленные чудеса. Его рассказ о чуде св. Креста, который висит в воздухе «ничем не прикрепленный к земле, но так, Духом Святым носимый в воздухе» [Житье и хождение Даниила, с. 10], на первый взгляд может показаться мистификацией автора записок. Несомненно, он сам воспринимал все происходящее не иначе как чудо. Однако хорошо известно, что в Византии была традиция подвешивать реликварии, а не размещать их на полу или какой-либо поверхности. Скорее всего, именно это и наблюдал Даниил. Впоследствии чудо «парения» креста в воздухе отметит и другой русский паломник — инок Зосима, уточнив при этом, что это был крест благоразумного разбойника: «И оттоль поидохъ на гору, идѣжь крестъ стоять благоразумнаго разбоиника, воздухомъ держимъ» [Хождение инока Зосимы, с. 23]. Иностранец воспринимал все не иначе как чудо и проявление божественной силы. Для византийца подобный способ размещения реликвии был абсолютно нормальным. Поэтому, например, кипро-византиец Леонтий Махера не видел в этом ничего сверхъестественного и не счел нужным об этом писать.

В XVII в. в России было популярно «Сказание о Кипрском острове и о подножие креста Христова», в котором передается история о краже реликвии посланниками римского папы, утрате реликвии на долгие годы и о чудесном ее обретении [Белоброва, с. 83]. Интересно, что эта история в целом вполне согласуется с рассказом Леонтия Махеры о возвращении реликвии. Кипрский хронист также повествует о краже креста латинским священником, попытке вывезти реликвию на Запад, великом шторме, заставившем похитителя вернуться на остров, пропаже креста и чудесном его обретении с помощью вещей снов и знамений [Machairas, § 67, 69–70]. Разница между двумя рассказами состоит лишь в деталях: в первом случае реликвию выкрали по приказу римского папы, во втором — это сделал неизвестный латинский священник; в первом — крест

пропал на сорок лет, во втором — на двадцать два года; в первом — крест был закопан в землю, во втором — был скрыт в кроне дерева; в первом — глас и знамения были некоему старцу, во втором — юному отроку. Важно, однако, подчеркнуть, что история чудотворного креста Господня хранилась в памяти киприотов, переписывалась в исторических сочинениях, была предметом особой гордости, передавалась из поколения в поколение, пересказывалась иностранным гостям и паломникам.

Даниил провел на острове не один день. У него, несомненно, был сопровождающий из киприотов, который направлял его, показывал путь и рассказывал об острове. Это подтверждается хотя бы тем фактом, что сам он не мог наблюдать, как собирают смолу ладанного дерева, если принять точку зрения, что он прибыл на остров в мае-июне. Следовательно, эту информацию он мог получить только от кого-то из местных жителей. Не последний вопрос, на каком языке общался Даниил с местными жителями. Вероятнее всего, он или кто-то из его свиты знал греческий, который и стал языком общения. Предположить, что они встретили на Кипре русского, который бы стал их провожатым, практически невозможно. Такое событие, несомненно, было бы в первую очередь отмечено в записках русского игумена. Даниила, наверное, можно считать первооткрывателем Кипра для русских людей. Именно он показал, что Кипр нельзя обойти стороной на пути в Святую землю ввиду его особой важности как святого места для всего христианского мира и положил начало «кипрскому циклу» в древнерусской литературе. Именно игумен Даниил впервые показал последующим поколениям русских паломников сакральное значение Кипра и впервые описал сам остров, дал яркие и запоминающиеся зарисовки о его природе, церковном устройстве, людях, реликвиях. Неслучайно записки о его путешествии были столь популярны на Руси. Сохранилось более 150 списков его сочинения, относящихся к XV–XVI вв. Более ранние списки до нас не дошли. Но они, несомненно, существовали и формировали взгляды многих поколений русских паломников, став для них своеобразным путеводителем. По стопам Даниила отправились другие русские пилигримы: архимандрит Агрефений (1370), Епифаний мних (1415–1417), под именем которого, вероятно, скрывается монах Троице-Сергиева монастыря Епифаний Премудрый, один из образованнейших людей своего времени, автор многих сочинений, в том числе «Жития Сергия Радонежского», учеником которого он был [Малето, с. 60–61, 295], троицкий иеродиакон инок Зосима (1419–1422), священноинок Варсонофий (1461–1462), купец Трифон Коробейников (кон. XIV в.), Арсений Суханов (1652), Иона Маленький (1649–1652), Ипполит Вишенский (1707–1708) и Василий Григорович-Барский (1723–1747).

Конечно, не стоит преувеличивать значение Кипра для русских паломников. Каждый из них имел своей целью святой город Иерусалим. Кипр лежал на их пути. И далеко не каждый русский паломник, побывавший в Иерусалиме и оставивший свои воспоминания, считал своим долгом осмотреть достопримечательности Кипра. Кто-то из паломников оставил о Кипре только короткую

географическую справку о расстоянии от Кипра до Родоса, Яффы или Триполи, иногда лишь вскользь отметив богатство самого острова [Сказание Епифания мниха..., с. 2; Хождение архимандрита Агрэфения, с. 2; Хождение священноинока Варсонофия..., с. 1, 15; Хождение купца Трифона Коробейникова, с. 3–4; Проскинитарий Арсения Суханова, с. 29; Повесть и сказание о походе..., с. 27]. Кто-то задержался на острове, открыл его для себя и поделился своими впечатлениями: инок Зосима, Ипполит Вишенский [Путешествие Иеромонаха Ипполита Вишенского..., с. 27–28], Василий Григорович-Барский. Однако все последующие после Даниила источники сообщают нам о Кипре королевском, венецианском или турецком, но не византийском.

В XIII в., с началом татаро-монгольского завоевания Руси, поток русских паломников резко сократился. Политическая ситуация не располагала к дальним путешествиям через земли, занятые татарами. Вновь русских паломников на Кипре и их новые впечатления мы находим только в конце XIV – XV в. Первым в их ряду был архимандрит смоленского монастыря Пресвятой Богородицы Агрэфений, побывавший на Кипре в 1370 г. Его сообщение на первый взгляд кажется слишком кратким и не заслуживающим пристального внимания: «От Родоса до Кипра 300. Въ Кипри островъ крестъ благоразумнаго разбойника, и тоу ражается много сахара. И тоу пръплыхом поучиноу Киликийскую и Паньфилийскуюю. От Кипра до Яфы 60» [Хождение архимандрита Агрэфения, с. 2].

Агрэфений говорит, что они пришли на Кипр с Родоса, проделав путь вдоль побережья Малой Азии до киликийских вод. Если они шли вдоль киликийского побережья, то, скорее всего, на Кипре они остановились в Фамагусте. Русские паломники пришли на Кипр незадолго до кипро-генуэзской войны 1373–1374 гг. При этом они абсолютно не заметили никаких политических осложнений. Следовательно, Агрэфений и его спутники прибыли на остров до коронации Пьера II Лузиньяна короной Иерусалима, которая состоялась в Фамагусте в октябре 1370 г. Именно тогда произошли жесткие столкновения между венецианцами и генуэзцами, породившие вскоре полномасштабную кипро-генуэзскую войну 1373–1374 гг. О существовании креста благоразумного разбойника на Кипре они знали. Однако они вряд ли выезжали за пределы Фамагустаны для поклонения ему, ибо Агрэфений ни слова не говорит о путешествии по острову. В XIV–XV вв. о кресте благоразумного разбойника, мощах св. Лазаря или св. Маманта знал каждый паломник. И каждый, писавший о Кипре в Средние века или раннее Новое время, скажет о них. А вот сообщение Агрэфения о производстве на Кипре сахара заслуживает особого внимания. Прежде всего, его сообщение полностью согласуется с данными кипрских и итальянских источников. Именно в середине XIV в. Кипр становится одним из важнейших производителей и экспортеров сахара в Восточно-Средиземноморском регионе [Bliznyuk, 1998; Wartburg]. Агрэфений – единственный из русских авторов, кто пишет о кипрском сахаре. Кроме того, если мое предположение верно, и Агрэфений не выезжал за пределы Фамагустаны, то он увидел сахар именно на рынке и здесь же узнал о его кипрском происхождении. То есть Агрэфений косвенно подтверждает, что Фамагустаны

является крупнейшим рынком для реализации кипрской продукции. Он, наверняка, был сильно потрясен, увидев, в каких количествах продается, а значит, и производится сахар на Кипре; ведь в России в это время этот продукт был исключительной редкостью.

Постепенно на Руси начинает формироваться представление о богатом Кипре и его героической истории. В русские летописи попадает история взятия Александрии королем Кипра Пьером I Лузиньяном в 1365 г., которой гордились все киприоты, и которая вызвала бурю эмоций и восторга во всей Западной Европе [Никоновская летопись, с. 7; Приселков, с. 382–383]. Русский летописец сообщает, что в ответ на взятие Александрии крестоносцами султан Египта собрал большое войско и со всей мощью обрушился на Антиохию, Иерусалим и другие города и области в Святой земле и на Синае. Согласно русским летописям, последовали сильные гонения на христиан, были разграблены многие церкви и монастыри, убито много православных людей, погиб патриарх Антиохийский Михаил, многие епископы, митрополиты и игумены монастырей. Многие монахи и церковнослужители были взяты в плен. Конечно, речь идет не о военном взятии названных городов. После потери латинянами земель в Сирии и Палестине в 1291 г. все они находились под властью султана Египта. Речь идет именно о гонениях на христиан, проживавших в названных областях. О сильных притеснениях христиан, закрытии христианских церквей и обязанности местных христиан выплачивать выкуп за мусульман, взятых в плен в Александрии, сообщают и арабские авторы [Mansougi, p. 118, 119]. Лишь вмешательство византийского императора Иоанна V Палеолога, отправившего посольство к султану и заплатившего за пленных христиан огромный выкуп в 20 тысяч рублей, разрядило ситуацию. Православные пленники были освобождены, и вновь повсеместно открыты христианские церкви. Поход султана в Святую землю совпал с полным солнечным затмением 7 августа 1366 г. Очевидцы событий, естественно, увидели в природном явлении самые дурные предзнаменования, что и зафиксировали на страницах летописей [Никоновская летопись, с. 7; Приселков, с. 383; Schreiner].

Обо всех этих драматических событиях умалчивают кипрские хроники. Русские летописцы могли получить информацию о названных событиях только от своих соотечественников, побывавших в это время на Кипре и в Святой земле. Таким паломником-информатором для русских летописцев вполне мог стать если не сам Агрефений, который был сосредоточен почти исключительно на библейской и церковной истории святых мест, то кто-то из его спутников. Ведь именно они побывали на Кипре, долгое время провели в Иерусалиме, Святой земле, на Синае и в Египте как раз в это время и должны были стать свидетелями названных событий. Таким образом, мы имеем яркий пример, когда паломничество несет на себе большую не только информационную, но и культурно-историческую нагрузку.

История контактов Руси и Кипра XV в. особенно ярко отражается в записках другого русского паломника — инока Зосимы. Он совершил свое путешествие

в Святую землю в 1419–1422 гг. Вряд ли можно согласиться с гипотезой В. Г. Ченцовой о том, что Зосима выполнял особую официальную церковную миссию и был отправлен в путь за разрешением на канонизацию от константинопольского патриарха [Ченцова]. Во-первых, его путь лежал не в Константинополь, а через византийскую столицу, в которой он провел почти всю зиму 1419–1420 гг. Во-вторых, Зосима путешествовал долго. Он явно никуда не спешил и ни от кого не зависел. Он исходил всю Святую землю, где пробыл почти год. В-третьих, его знакомство с Кипром, которое состоялось в 1421 г. на обратном пути из Иерусалима в Константинополь, никак не могло входить в планы официальной миссии. Он позволил себе оставаться на Кипре целых полтора месяца, чтобы спокойно и с наслаждением осмотреть его города и достопримечательности.

Сначала он прибыл в Ларнаку (Китион). Поклонившись св. Лазарю, кресту благоразумного разбойника и подивившись, как и его предшественник игумен Даниил, технологии сбора ладана, Зосима направился в столицу королевства Кипр Никосию. По тексту сразу становится понятно, что он не один день провел на Кипре, прекрасно понял и политическую, и церковную, и хозяйственную систему королевства. Зосима перечисляет все крупные города Кипра: Никосия, Фамагуста, Лимассол, Пафос, Китион (Ларнака). Конечно, он посещает святые места Кипра: монастырь Киккос, гробницу св. Маманта мироточащего. Он, в принципе, верно замечает, что всем островом правит франкский король, хотя, возможно, он и не понял, что Фамагуста находится в руках генуэзцев. Следовательно, в Фамагусте он сам лично не был. Зосима отмечает, что на Кипре всего четыре греческих епископа, из которых двое принадлежат к белому, а двое к черному духовенству.

Не могли не удивить русского монаха звуки органа в греческих храмах [Хождение инока Зосимы, с. 24]. Сам того не подозревая, Зосима засвидетельствовал важнейший результат длительного синтеза греческой и латинской культуры на Кипре, взаимопроникновения, инфильтрации двух культур в государстве Лузиньянов. Его наблюдение полностью согласуется со сведениями европейских паломников этого времени, а также с современными исследованиями о принятии элементов католической литургии, мистерии и музыки греко-православной церковью Кипра [Близнюк, 2016, с. 688–690; Puchner]. Исключительно важным представляется его замечание о том, что рядом с Киренией находится богатейшее королевское владение Морфу², в котором производят сахар и собирают плоды рожкового дерева [Хождение инока Зосимы, с. 23–24]. Подтверждение производства сахара в Морфу мы находим в западноевропейских источниках [Близнюк, 1994, с. 91], а плоды рожкового дерева ценились на международном рынке столь же высоко, как и сахар, и в Средние века, и в Новое время [Хождение инока Зосимы, с. 24; Странствия Василия Григоровича-Барского..., ч. I, с. 275; Mogabgab, p. 42, 46; Richard, p. 339].

² Морфу действительно входил в состав королевского домена.

Итак, в эпоху позднего Средневековья русские люди неплохо представляли себе Кипр. Остров был для паломника эпохи Средневековья вратами к Иерусалиму. Его трудно было обойти стороной с географической точки зрения и не менее трудно не заметить, не познакомиться с христианскими реликвиями и святыми местами, которыми он был столь богат, что это вызывало чувство гордости у самих киприотов. Ведь не случайно самый известный кипрский хронист Леонтий Махера начинает свое повествование с рассказа о святых, многочисленных святых и чудесах его родного острова. Таким образом, поклонение христианским святыням острова Кипр было обязательной частью «программы» для многих паломников на пути к Гробу Господню и Граду Небесному.

Очень точную аллегорическую аналогию Кипра предложил Филипп де Мезьер. Кипр для него был «бастионом христианства», вратами Востока, вратами в рай, Чистилищем (Purgatoire) перед Раем [Mézières, t. I, p. 109, 257–259], но еще не самим раем. Чтобы войти в рай, т. е. в Иерусалим, каждый паломник должен был пройти через Кипр, как бессмертная душа проходит через чистилище, чтобы оказаться в раю. Русские паломники не нашли столь точной и понятной каждому христианину метафоры Кипра, как это сделал Филипп де Мезьер, но и для них остров был важнейшим христианским местом на пути к Иерусалиму.

Тем не менее, мы вряд ли можем говорить о каких бы то ни было постоянных русско-кипрских отношениях в позднее Средневековье. Это были лишь случайные, спорадические контакты, первые знакомства и первые представления друг о друге. Но именно русские паломники эпохи Средневековья заложили основы для дальнейших церковных, культурных, а затем и политических отношений между двумя странами. Отношения тем и отличаются от контактов, что они: 1) взаимны и 2) регулярны. Таким образом, не только русские паломники-ходоки должны были появляться на Кипре, но и киприоты в России. К чисто церковным контактам должны были добавиться политические отношения и политические интересы.

Установлению русско-кипрских постоянных связей, как ни странно, способствовала турецкая угроза и турецкое завоевание острова в 1570 г. Русские цари внимательно следили за расширением турецкой державы, подходившей уже непосредственно к их границам. Роль первых послов вполне могли выполнять купцы, которые одновременно являлись и дипломатами, и паломниками. С конца XVI в. изучение кипро-русских связей распадается на три направления: 1) русские люди на Кипре; 2) киприоты в России; 3) знания о Кипре и интерес к Кипру в России.

Среди русских людей XVI–XVIII вв. по-прежнему много церковнослужителей, которые перестали быть только паломниками. Купцы, монахи, представители церкви все больше и больше стали одновременно выполнять посольские и представительские функции. Церковные связи России с Афоном, патриархией Иерусалима и Антиохии становятся постоянными и носят регулярный характер.

Одним из первых посланников России на Востоке оказался купец Трифон Коробейников, которому удалось побывать и на Кипре. В 1582 г. он был

отправлен царем Иваном IV Грозным в святые места формально для молитвы о душе старшего сына царя Ивана. По официальной версии сын царя умер в 1581 г., а по неофициальной, широко распространенной по Руси, был убит отцом. Царь щедро снабдил русских паломников деньгами, выдав 500 рублей только на строительство церкви на Синайской горе. В рукописи содержится интерполяция, в которой говорится о Кипре. Текст почти совпадает с рассказом игумена Даниила с той лишь разницей, что он сообщает о производстве на острове оливкового масла и греческого мыла. Кроме того, Трифон отмечает, что на остров прибывают большие корабли и ведется интенсивная торговля [Хожение купца Трифона Коробейникова, с. 4]. Это замечание особенно любопытно, потому что он пишет всего десять лет спустя после турецкого завоевания острова. Следовательно, порты, международный рынок и производство традиционных для Кипра товаров продолжали функционировать, как прежде. Василий Григорович-Барский, побывавший на Кипре в первой половине XVIII в., также отмечал, что с острова в Венецию активно экспортировали вино и плоды рожкового дерева [Странствия Василия Григоровича-Барского..., ч. I, с. 275]. Не совсем, однако, понятно, бывал ли Трифон на Кипре сам или написал об острове со слов других свидетелей. О сборе ладана он четко пишет, что всего лишь слышал об этом. Он же сообщает о хранящихся на острове «гвоздях» Христа, которых он точно видеть не мог, да еще во множестве! Сам ли он вообще написал приводимый нами текст или вставку сделал неизвестный автор или переписчик рукописи? Скорее всего, верно последнее.

Как бы то ни было, для нас важна сама информация о Кипре, ее накопление в России и ее рефлексия в конце XVI — XVIII в. В России по-прежнему помнили о необыкновенно важном географическом положении острова на пути в Иерусалим, о его величине и богатстве. Турецкие власти не мешали посещению Кипра, как и других греческих островов: Патмоса, Лесбоса, Хиоса, Крита или Родоса [Проскинитарий Арсения Суханова, с. 20–31; Путешествие Иеромонаха Ипполита Вишенского..., с. 20–26; Странствия Василия Григоровича-Барского..., ч. I–IV]. Отношения России с Турцией вплоть до второй половины XVIII в. были вполне мирными, и русские паломники не сталкивались с проблемами, проходя через турецкие земли. Арсений Суханов практически минул Кипр стороной на пути в Александрию. А вот паломники петровского времени: черниговский монах Ипполит Вишенский и Василий Григорович-Барский, — надолго останавливались на Кипре и оставили достаточно подробное его описание [Путешествие Иеромонаха Ипполита Вишенского..., с. 27–29; Странствия Василия Григоровича-Барского..., ч. I, с. 273–275; ч. II, с. 243–334].

Помимо традиционных для русских паломников сведений о величине острова, богатстве его природы и христианских святых, св. Лазаре или св. Спиридоне, чудотворной иконе Пресвятой Богородицы кисти евангелиста Луки, в сочинениях названных авторов содержатся данные о положении Кипра и кипрского населения в Османской империи. Оба свидетельствуют о запустении прежних христианских центров. По данным Ипполита Вишенского,

на острове осталось только 24 монастыря, в то время как более ста были заброшены. В. Григорович-Барский насчитал более 60 действующих монастырей. Однако во многих из них было не более 5–30 насельников. В самых крупных из них было от 50 до 100 монахов. Он также подтверждает разрушение и разорение многих монастырей, в которых новые завоеватели искали сокровища. Монахи вынуждены были покидать свои обители и уходить в горы и пустыни [Путешествіе Иеромонаха Ипполита Вишенскаго..., с. 27; Странствия Василя Григоровича-Барскаго..., ч. II, с. 244, 246–247, 250–252, 295, 326]. На разорение монастырей и притеснения монахов в 1626 г. жаловался русскому царю Михаилу Романову и митрополит (архиепископ) Кипра Христодул [Белоброва, с. 89].

В то же время русские путешественники фиксируют значительные изменения, произошедшие в системе церковной организации Кипра. Оба паломника подтверждают наличие на Кипре автокефальной православной церкви, управляемой митрополитом: «нѣ до единого патріархи не належать, сами себѣ властелствуютъ» [Путешествіе Иеромонаха Ипполита Вишенскаго..., с. 27]. В официальных письмах архиепископ Кипра использовал красные чернила, носил пурпурную мантию, держал в руках яблоко и скипетр, символы власти и во время Вселенских соборов сидел чуть ниже патриархов [Там же; Странствия Василя Григоровича-Барскаго..., ч. II, с. 315].

Таким образом, в кипрской православной церкви произошли серьезные изменения по сравнению с лузиньяновским периодом. Русские авторы называют среди иерархов церкви четырех митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов монастырей. Причем слова *митрополит* и *епископ* для Ипполита Вишенского синонимичны: он может назвать митрополита епископом и наоборот. Григорович-Барский говорит о том, что кипрская церковь управляется архиепископом, резиденцией которого является Никосия, и тремя епископами: Ларнаки, Пафоса и Кирении [Странствия Василя Григоровича-Барскаго..., ч. II, с. 249]. Следовательно, после турецкого завоевания острова условия договоров 1220 и 1222 гг., согласно которым была упразднена должность греческого архиепископа и сокращена численность епископов с четырнадцати до четырех [Coureas, p. 259–287; Cyprus: Society and Culture..., p. 190–198], были полностью отменены, восстановлена автокефалия, верховная власть греческого епископата и древнее устройство кипрской церкви. В то же время структура, состоящая из четырех митрополитов (епископов) с выделением среди них старшего, очень напоминает латинскую церковную систему XIII–XV вв. с тремя епископами и стоящим над ними архиепископом (митрополитом).

Казалось бы, кипрская православная церковь смогла почувствовать себя свободнее и независимее при новых властителях острова. Однако русские паломники словно советуют нам не спешить с оптимистичными выводами. Сразу после повествования о церкви Ипполит Вишенский ярко и эмоционально рассказывает о тяжелейшем налоговом бремени и подушной подати, которые новые завоеватели наложили на все население острова, включая иерархов православной церкви. «Оу Кипрскомъ островѣ кроме женъ даютъ горячь или дань

Турку сѣмнадцать тысячъ; а скоро мужескій полъ народится, то заразь горячь дають; такіе збытки Турки зъ нашихъ чинять. Сіе епископъ Иоанікій намъ мовиль, же онъ отъ своихъ законниковъ и отъ поповъ даетъ поголовщину и отъ себе полтори тысячи левовъ» [Путешествіе Іеромонаха Ипполита Вишенскаго..., с. 27]. Факт уплаты туркам денежной подати («харача», от араб. *haraz*) и продовольственного оброка всем греческим населением, в том числе и клиром, подтверждает и В. Григорович-Барский: «Турки многу пакость творять, яденіе и піеніе насиліємъ взимающе».

Избежать уплаты дани было возможно только отрекшись от христианства и приняв ислам. Согласно Григоровичу-Барскому, случаи исламизации местного населения на Кипре были [Странствія Василя Григоровича-Барскаго..., ч. II, с. 244, 261, 324–325]. Для учета населения и четкого собиранія налогов каждому мужчине, включая прибывавших на остров иностранцев, выдавалось своеобразное удостоверение личности, специальная «хартия», подписанная и скрепленная пятью печатями, в которой указывался пол, возраст, социальное положение, внешний вид человека, его вера и сумма уплаты подати. Все это делалось, чтобы никто не мог передать хартию другому лицу. Имеющему подобную хартию было разрешено свободно передвигаться по стране. Любопытно, что хартии различались между собой по цвету: белые, красные и желтые, — в зависимости от года их выдачи. Кроме того, каждый получающий должен был за нее заплатить в зависимости от своего социального и имущественного статуса: «Различно же подается, по чину и силѣ, богатымъ убо курцемъ по пятнадцать талярей, нижайшимъ по десять, убогшимъ по пять, наиубогшимъ же и старцемъ, по пути влачащимся, три таряри подается зарачъ» [Там же, с. 325].

Таким образом, мы видим, что с начала XII в. и до середины XVIII в. русские люди прошли длинный путь в освоении Кипра, установили прочные контакты и связи с православной кипрской церковью и местным населением. С усилением политического, экономического, церковного и культурного могущества Российского государства в Москву зачастили гости с Востока: патриархи Антиохии и Иерусалима, афонские монахи, греческие церковные деятели и миряне. Среди них встречаются и гости с Кипра. Первые киприоты появились в Москве вскоре после окончания Смуты в 1620-е гг. Только с 1623 по 1652 гг., согласно исследованиям О. А. Белобровой, в Москву прибыло одиннадцать делегаций киприотов, искавших у русского царя защиту, покровительство и финансовую помощь [Белоброва, с. 86–88]. Как правило, это монахи и представители церкви. Однако встречаются среди них и миряне. Одновременно ведется постоянная переписка между русскими царями и иерархами кипрской православной церкви, происходит обмен грамотами и посольствами. Некоторые грамоты и письма сохранились в российских рукописных коллекциях [Там же, с. 50]. Установление двусторонних отношений между Кипром и Россией, несомненно, способствовало более глубокому знакомству с культурой друг друга.

В XVII–XVIII вв. записки русских людей об их путешествиях в Святую землю воспринимаются в российском обществе как литературно-художественные

произведения, предназначенные для чтения, досуга. Этим объясняется большое количество списков, дошедших до наших дней. Можно утверждать, что еще в XI в. на Руси были известны сочинения кипрских святителей. Особенно популярным среди них был св. Епифаний Кипрский. Он был изображен в ряду других отцов церкви в Софии Киевской на мозаике XI в. Его сочинение «О 12 камнях» было включено в «Изборник» Святослава еще в 1073 г., а его «Слово о погребении тела Христова» читалось во время богослужений. В XVI–XVIII вв. он был не менее популярным и широко цитируемым в русской литературе автором [Белоброва, с. 13, 21–22, 30]. Однако по-настоящему русский читатель познакомился с кипрскими сюжетами в литературе в XVII–XVIII вв., когда появились первые переводы кипрских историй на русский язык. В русских рукописных собраниях сохранились официальные письма и записи из хроник Псевдо-Дорофея и Симона Старовольского, содержащие информацию о реальных событиях турецкого завоевания острова султаном Селимом II у венецианцев [Там же, с. 89–90, 92]. Русские литераторы и переводчики XVII в. в первую очередь хотели продемонстрировать читателю героизм кипрских военачальников, победы кипрского войска, преодоление невероятных преград, опасностей и коварства врагов. Выбирались такие сочинения и отрывки из них, благодаря которым формировался литературный образ славного и непобедимого Кипра.

Таким образом, русские паломники, побывавшие на острове в Средние века и раннее Новое время, сыграли важную роль в формировании положительного образа Кипра в России. Паломничества выполнили большую культурно-историческую и политическую функции. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и подписания Кучук-Кайнарджийского договора (1774) на Кипре в 1784 г. появилось первое дипломатическое представительство — консульство России — и были установлены постоянные русско-кипрские дипломатические отношения. На смену церковнослужителям и монахам постепенно приходили дипломаты и политики, но интерес русских людей к Кипру оставался неизменным.

Источники

Близнюк С. В. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр». М.: Academia, 2018.

Житие святого отца нашего Иоанна, архиепископа Новгородского. Слово 2-ое // Жития святых. 7 сентября. М., 1876.

Житье и хождение Даниила, Русьскыя земли игумена, 1106–1107 гг. / под ред. М. А. Веневитинова. СПб., 1885. (Православный палестинский сборник ; т. 3 ; вып. 3 ; XIII).

Никоновская летопись — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. (Полное собрание русских летописей ; т. IX ; VIII).

Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева Монастыря черного диакона Ионы по рекломы Маленькаго, 1649–1652 / под ред. С. О. Долгова. СПб., 1895. (Православный палестинский сборник ; вып. 42).

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Проскинитарій Арсения Суханова, 1649–1653 / под ред. Н. И. Ивановского. СПб., 1889. (Православный палестинский сборник ; т. VII ; вып. 3).

Путешествіе Иеромонаха Ипполита Вишенскаго въ Иерусалимъ, на Синай и Афон (1707–1709 гг.) / под ред. С. П. Розанова. СПб. : Правосл. палест. о-во, 1914. (Православный палестинский сборник ; вып. 61).

Сахаров И. Путешествия русских людей в чужие земли. СПб. : Изд-во Н. Власова, 1839. Т. 1.

Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму / под ред. архимандрита Леонида. СПб., 1887. (Православный палестинский сборник ; т. V ; вып. 3 ; VI).

Странствия Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. : в 4 ч. / под ред. Н. Барсукова. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1885.

Хождение архимандрита Агрефения / под ред. архимандрита Леонида. СПб., 1896. (Православный палестинский сборник ; т. XVI ; вып. 3 ; X).

Хождение инок Зосимы, 1419–1422 гг. / под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1889. (Православный палестинский сборник ; т. VIII ; вып. 3 ; XXVI).

Хождение купца Трифона Коробейникова, 1593–1594 / под ред. Хр. М. Лопарева. СПб., 1889. (Православный палестинский сборник ; т. X).

Хождение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461–1462 гг. / под ред. С. О. Долгова. М., 1896. (Православный палестинский сборник ; т. XV ; вып. 3).

Cobham C. D. Excerpta Cypria. Material for a History of Cyprus. Cambridge : Univ. Press, 1908.

Machairas L. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle. Vols. I–II / ed. R. M. Dawkins. Oxford : Univ. Press, 1932.

Mansouri M. T. Chypre dans les sources arabes médiévales. Nicosia : Centre de Recherche Scientifique, 2001.

Mézières Ph. (de) Le songe du vieil pèlerin / publ. par. G. W. Coopland. Cambridge : Univ. Press, 1969. Vol. I–II.

Mogabgab Th. A. H. Supplementary Excerpts of Cyprus. Nicosia : Zavalli Press, 1941–1945.

Исследования

Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. М. : Наука, 1979.

Близнюк С. В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373). М. : Изд-во МГУ, 1994.

Близнюк С. В. Крестовые походы в древнерусской литературе: Кипр на пути от Константинополя к Иерусалиму // Российский исторический журнал «Родина». 2010. С. 74–80.

Близнюк С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. СПб. : Алетейя, 2014.

Близнюк С. В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М. : Academia, 2016.

Близнюк С. В. Крестоносцы и их деяния в Константинополе и Святой земле в древнерусской литературе // История Греции в МГУ им. М. В. Ломоносова: от античности до наших дней / под ред. Т. В. Никитиной. М. : Изд-во ист. фак. МГУ, 2017. С. 137–162.

Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII–XV вв. М. : Наука, 2005.

Ченцова В. Г. О причинах путешествия русского паломника XV в. Зосимы на Христианский Восток // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества : тез. докл. конф., Москва, 23–25 июня 1997 г. М. : Индрик, 1997. С. 52–54.

Bliznyuk S. V. “La dolce vita” dei Genovesi a Cipro nel XV sec. // Le vie del Mediterraneo: idee, uomini, oggetti (secoli XI–XVI) / a cura di G. Airdi. Genova, 1998. N. 1. P. 117–126

Bliznyuk S. L'idea delle crociate e la conquista nel pensiero russo // Quatra Crociata. Venezia — Bizanzio — Impero Latino / a cura di G. Ortalli, G. Ravegnani, P. Schreiner. Venezia : Ist. Veneto di Scienze, 2006. P. 653–662.

Coureas N. The Latin Church in Cyprus, 1195–1312. Aldershot ; Brookfield, Vermont : Ashgate, 1997.

Cyprus: Society and Culture 1191–1374 / ed. by Ch. Schabel, & A. Nicolau-Konnari. Leiden ; Boston : Brill, 2005.

Puchner W. The Crusader Kingdom of Cyprus – a Theatre Province of Medieval Europe? Athens: Acad. of Athens, 2006.

Richard J. Une économie coloniale? Chypre et ses ressources agricoles au Moyen Âge // *Byzantinische Forschungen*. 1977. V. P. 331–352.

Schreiner P. Byzanz und die Mamluken in der 2. Hälfte des 14. Jahrhunderts // *Orbis Byzantinus*. Byzanz und seine Nachbarn. București ; Brăila : Academiei Române, 2013. S. 363–369.

Wartburg M.-L. Cane Sugar Production Sites in Cyprus. Real and Imagined // Report of the Department of Antiquities, Cyprus 2000. Nicosia, 2000. P. 381–401.

References

Belobrova, O. A. (1979). *Kiprskij tsikl v drevnerusskoj literature* [A Cypriot Cycle in Old Russian Literature]. Moscow: Nauka.

Bliznyuk, S. V. (1994). *Mirtorgovli i politiki v korolevstve krestonostsev na Kipre* [The World of Trade and Policy in the Crusaders' Kingdom in Cyprus]. Moscow: Moscow University Press.

Bliznyuk, S. V. (1998). “La dolce vita” dei Genovesi a Cipro nel XV sec. In G. Airaldi (Ed.), *Le vie del Mediterraneo: idee, uomini, oggetti (secoli XI–XVI)* [The Mediterranean Ways: Ideas, People, Objects] (No. 1, pp 117–126). Genova.

Bliznyuk, S. (2006). L’idea delle crociate e la conquista nel pensiero russo. In G. Ortalli, G. Ravegnani, & P. Schreiner (Eds.), *Quatra Crociata. Venezia – Bizanzio – Impero Latino* [The Fourth Crusade. Venice – Byzantium – Latin Empire] (pp. 653–662). Venezia: Ist. Veneto di Scienze.

Bliznyuk, S. V. (2010). Krestovyje pohody v drevnerusskoj literature: Kipr na puti ot Konstantinopolia k Ierusalimu [The Crusades in Old Russian Literature: Cyprus on the Way from Constantinople to Jerusalem]. *Rossijskij istoričeskij žurnal “Rodina”*, 74–80.

Bliznyuk, S. V. (2014). *Koroli Kipra v epohu krestovyh pohodov* [The Kings of Cyprus in the Epoch of the Crusades]. St Petersburg: Aleteja.

Bliznyuk, S. V. (2016). *Korolevstvo Kipri i ital’ianskie morskije respubliki v XIII–XV vv.* [The Kingdom of Cyprus and the Italian Maritime Republics between the Thirteenth and the Fifteenth Centuries]. Moscow: Academia.

Bliznyuk, S. V. (2017). Krestonostsy i ich dejaniya v Konstantinopole i Svijatoj zemle v drevnerusskoj literature [The Crusades and their Deeds in Constantinople and in the Holy Land in Old Russian Literature]. In T. V. Nikitina (Ed.), *Istorija Gretsii v MGU im. M. V. Lomonosova* [A History of Greece in Lomonosov Moscow State University] (pp. 137–162). Moscow: Izdatelstvo istoričeskogo fakulteta Moskovskogo universiteta.

Chentsova, V. G. (1997). O prichinakh puteshestvija russkogo palomnika XV v. Zosimy na Khristianskij Vostok [On the Reasons of Travel of Russian Pilgrim Zosima to the Christian Orient]. In *Inostrantsy v Vizantii. Vizantijsy za rubezhami svojego otechestva* [Foreigners in Byzantium. Byzantines Abroad] (pp. 52–54). Moscow: Indrik.

Coureas, N. (1997). *The Latin Church in Cyprus, 1195–1312*. Aldershot; Brookfield, Vermont: Ashgate.

Maleto, E. I. (2005). *Antologija khozhenij russkij puteshestvennikov XII–XV vv.* [An Anthology of Pilgrimages of Russian Travellers in the 12th–15th Centuries]. Moscow: Nauka.

Puchner, W. (2006). *The Crusader Kingdom of Cyprus – a Theatre Province of Medieval Europe?* Athens: Academy of Athens.

Richard, J. (1977). Une économie coloniale? Chypre et ses ressources agricoles au Moyen Âge. *Byzantinische Forschungen*, V, 331–352.

Schabel, Ch., & Nicolau-Konnari, A. (Eds.). (2005). *Cyprus: Society and Culture 1191–1374*. Leiden; Boston: Brill.

Schreiner, P. (2013). Byzanz und die Mamluken in der 2. Hälfte des 14. Jahrhunderts. In A. Simon, & Ch. Spinei (Eds.), *Orbis Byzantinus. Byzanz und seine Nachbarn* (pp. 363–369). București; Brăila: Academiei Române.

Wartburg, M.-L. (2000). Cane Sugar Production Sites in Cyprus. Real and Imagined. In *Report of the Department of Antiquities, Cyprus 2000* (pp. 381–401). Nicosia.

Близнюк Светлана Владимировна
доктор исторических наук, доцент
кафедры истории Средних веков
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
119992, Москва, Ломоносовский пр., 27,
корп. 4
E-mail: svbliznyuk@mail.ru

Bliznyuk, Svetlana Vladimirovna
Dr. Hab. (History), Associate Professor,
Department of History of the Middle Ages
Lomonosov Moscow State University
27/4, Lomonosovsky Ave., 119992 Moscow,
Russia
Email: svbliznyuk@mail.ru